

Заметки о стиле как гуманистической структуре текста

(к 70-летию профессора С. Гайды)

ВАЛЕРИЙ А. МИШЛАНОВ,
ВЛАДИМИР А. САЛИМОВСКИЙ
(Пермь)

Интегративный подход к изучению стиля. Мысль «Стиль – это гуманистическая структура текста» – ключевая в концепции профессора С. Гайды, разрабатываемой им с рубежа 1970-80-х гг. (Gajda 1982; 1983). Она выражена ученым и в других формулировках: «Стиль – это наивысшая организационно-интегрирующая инстанция текста», это «экологическая структура текста» (Гайда 2013). В этих кратких, но очень емких суждениях воплощена самая сущность интегративного подхода к изучению стиля как гуманистической структуры текста (*struktury humanistycznej*), т. е. с учетом отношений, в центре которых находится человек.

Своеобразие данного подхода к исследованию стиля, с нашей точки зрения, состоит прежде всего в максимальной широте предметной области, которая включает любые лингвистические (языковые, речевые и текстовые), а также неразрывно связанные с ними психологические, социальные и культурные феномены, интегрируемые в «содержательно-прагматико-семиотическое целое текста». Этим обеспечивается чрезвычайно высокий синтезирующий потенциал концепции: рассогласованность сложившихся в истории стилистики представлений о стиле (ср.: стиль – это текстовой орнамент, отклонение от нормы, речевая разновидность и др.) оказывается в этом случае в принципе преодолимой, поскольку разные проявления

стиля если не прямо, то косвенно связаны с теми или иными сторонами текста, процессами его порождения и восприятия.

Важная особенность стилистической концепции С. Гайды заключается и в том, что, будучи ориентированной на интеграцию различных точек зрения, она, в отличие от научных парадигм в той или иной области знания, жестко не задает релевантную проблематику, понятийный аппарат, методы исследования, не препятствует рассмотрению объекта одновременно под разными углами зрения. Можно сказать, что эта теоретическая модель «указывает путь» к познавательному идеалу в стилистике – синтезу ее понятий на основе экспликации идеи стиля как гуманистической структуры текста.

Концепция С. Гайды эволюционирует, отражая вектор развития теоретического языкознания. Ее базовые положения уточняются в эпистемическом контексте лингвопрагматики, лингвистики текста, генологии, дискурсивного анализа, когнитивистики (Gajda 1982, 1991, 1992, 2001, 2009 и др.). В соответствии с этими положениями интегрирующая роль стиля в организации текста определяется несомненной связью стиля с речевой деятельностью, выраженностью в нем человеческого фактора, погруженностью речевых действий в сложную интерактивно-ситуативную среду. В фокусе внимания оказываются сферы и ситуации социального речевого взаимодействия, коммуникативные практики, категории текста, межтекстовые отношения в границах дискурса, жанровые формы и их сети, разноплановые стилистические образцы.

Интегративная концепция стиля развивается в трудах ученого на протяжении 35 лет, а особенно интенсивно – с 1990-х гг., когда по его инициативе развернулись исследования в рамках международной программы. Результаты этих исследований были представлены на научных конференциях в Ополе, начавшихся обсуждением поставленной проблемы (*Synteza w stylistyce siowiacskiej* 1991), а также в публикациях журнала „Stylistyka”, ежегодно выходящие тома которого посвящены основным ее аспектам (*Tekst i styl, Styl i gatunek, Dyskurs i styl, Styl i kultura, Styl i kreatywność, Integracja w stylistyce* и др.).

К истокам понимания стиля как организационно-интегрирующего центра текста. Генезис теоретической стилистики часто связывают с работой К. Фосслера *Позитивизм и идеализм в языкознании* (1904), заложившей основы школы эстетического идеализма. В трактовке представителей

этой школы стиль является «индивидуальным духовным выражением» (Фосслер 2007: 32). В художественном тексте и в творчестве писателя стиль предстает как духовный центр, или магнит, к которому притягиваются различные языковые формы, образуя индивидуальную речевую систему (Шпитцер 2007: 205). Анализ текста предполагает поэтому выявление стилевых черт (индивидуально-авторских девиаций), их объяснение и обнаружение в результате «духовного этимона» – содержащегося в душе писателя творческого принципа, интегрирующего произведение. Затем предполагаемый принцип проецируется на все другие наблюдения над своеобразием текста (Spitzer 1962: 19).

Идею стиля как интегрирующего центра текста и индивидуальной речевой структуры развивает и В. В. Виноградов, предложив концепцию «образа автора» (Виноградов 1959, 1971 и др.), в которой элиминировано метафизическое представление предшественников о «внутреннем когерентном духе». Организующая основа произведения определяется В. В. Виноградовым как «единство авторской оценки и осмысления действительности» (Виноградов 1971: 182). Образ автора – это «индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» (Виноградов 1971: 151–152).

В понимании М. М. Бахтина, завершенная целостность высказывания (текста) определяется позицией автора по отношению к высказываниям других участников общения. Сама творческая индивидуальность субъекта является прежде всего выражением его социальной ориентации: «[...] Всё внутреннее не довлеет себе, повернуто вовне, диалогизировано» (Бахтин 1979: 311–312). Поэтому «организующий центр всякого высказывания, всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде [...]» (Бахтин 1993: 102). Важнейшая закономерность речеобразования заключается в том, что не столько выражение приспособляется к внутреннему миру человека, сколько внутренний мир говорящего приспособляется к возможностям речевого выражения, прежде всего к выбираемым речевым жанрам (Бахтин 1979: 257; Бахтин 1993: 99).

Нужно отметить, что на развитие лингвостилистики значительное влияние оказывали теоретические представления системно-структурной парадигмы в языкознании, господствовавшей до последней трети XX в. Они проявились не только в трактовке стиля как участка языковой структуры

(совокупности однотипно окрашенных языковых средств), но и в сосюрловском понимании речи (*parole*) как реализации языка (*langue*) или, в переосмысленном варианте, как употребления языка в разных сферах общения, где речь рассматривалась в отвлечении от ее композиционно-текстовых форм. В соответствии с этим сформировалось понятие функционального стиля как исторически сложившегося типа функционирования языка, образующего определенную речевую разновидность (научный, официально-деловой и др. стили).

Возвращение лингвистилистики к тексту как целому связано с работами К. Гаузенбласа. По отношению к различным видам человеческой деятельности он определил стиль как «способ, принцип прохождения этой деятельности, который выступает как один из возможных» (Гаузенблас 1967: 71). Поскольку речевое общение осуществляется посредством коммуникатов (текстов), стиль в лингвистическом понимании – это способ интеграции текста (Hausenblas 1972, 1996). Средствами стилеобразования являются не только языковые, но и тематические единицы, а также композиционные – разнообразные способы комбинирования как языковых, так и тематических единиц. Стиль текста предстает, таким образом, многоплановым феноменом.

О деятельностином подходе в стилистике. Понимая стиль как способ осуществления текстовой деятельности, т.е. процессов порождения и восприятия текстов, естественно считать, что человеческая деятельность создает «онтологию», обладающую значительным эвристическим потенциалом для развития стилистики, способствующую продуктивному исследованию ее проблем (Тарасов 1989). Ниже мы раскроем некоторые возможности этого подхода.

Как известно, с психологической точки зрения деятельность – это вид человеческой целенаправленной активности, побуждаемой ее мотивом. Последний может пониматься как *предмет* деятельности – вещественный или идеальный (Леонтьев 1975). Основными «единицами» деятельности являются действия, подчиненные сознательным целям, которые в конкретных обстоятельствах выступают как задачи. Если цель действия, включаемого в другое действие, перестает осознаваться, оно становится операцией.

Единство деятельности создается в первую очередь «наличием больших задач, подчиняющих себе ряд более мелких, частных задач, входящих

в них в качестве звеньев» (Рубинштейн 2002: 466). Процесс деятельности обусловлен прежде всего объективной логикой этих задач: «Сила объективной логики вещей обычно такова, что она, скорее, использует личные мотивы человека как приводной ремень, для того чтобы подчинить его деятельность объективной логике задач, в разрешение которых он включен» (Рубинштейн 2002: 467).

Нужно подчеркнуть, что деятельность представляет собой процесс, в котором постоянно происходят трансформации: она дробится, если субъект сосредоточивается на той или иной частной цели, превращающейся для него в «самоцель». Действие включается в новый, более обширный контекст, когда в поле зрения субъекта помимо ближайшей цели сохраняются более крупные задачи. Если ближайшая цель не осознается, действие становится операцией (Леонтьев 1975; Рубинштейн 2002).

Приведенные положения общепсихологической теории деятельности могут быть распространены на процесс создания текста. Так, конечная целеустановка текстопорождения реализуется в ходе выделения из нее частных целей, воплощаемых в текстовых фрагментах разного объема последовательностью актов речи. Данный процесс характеризуется постоянными трансформациями целеполагания.

Возникает вопрос о степени автономности фрагментов текста, реализующих эти частные по отношению к авторскому замыслу цели. Являются ли они единицами речевого общения, или этим статусом обладают только целые тексты? Можно ли считать особой единицей общения, например, главу *Бэла* в составе романа М. Ю. Лермонтова *Герой нашего времени*, учитывая, что впервые она была опубликована как повесть в журнале? Является ли единицей общения глава научной монографии, прежде публиковавшаяся как статья? Меняется ли квалификация части речевого произведения – как особой коммуникативной единицы или же ее фрагмента – в зависимости от того, была ли раньше эта часть обнародована как самостоятельный текст? Имеют ли статус коммуникативной единицы сравнительно небольшие фрагменты речевого произведения, включая предложение?

Известно, например, что в православном богослужении дневного цикла и в разного рода службах или требах на основе различных фрагментов Священного Писания или Священного Предания, текстов литургической

поэзии (тропарей, кондаков и др.) и во взаимодействии с расписанными богослужебным чином действиями священника формируются поликодовые (креолизованные) тексты, объединяемые некоторой вероучительной идеей. Фрагменты Псалтири или какого-либо из четырех Евангелий функционируют в этом случае автономно. Можно ли полагать, что, к примеру, 50-й псалом (Помилуй мя, боже, по величью милости твоей...) теряет в той или иной мере связь с авторским замыслом, с теми мыслями и чувствами, которые хотел выразить царь Давид, создавший, как полагают, этот псалом? (*Полный...* 1992).

Сравним взгляды по этой проблеме двух классиков теории диалога – М. М. Бахтина и Л. П. Якубинского.

В генологической концепции М. М. Бахтина (1979, 1993) эксплицируется понятие высказывания (в современной терминологии, скорее, текста: от однословной реплики бытового диалога до больших литературно-художественных или научных произведений) как единицы речевого взаимодействия. Границы высказываний определяются речевым замыслом и сменой субъектов речи в виде ответных высказываний других или хотя бы активно-ответного понимания. Эта смена потому и происходит, что замысел исчерпан: субъект речи сказал все, что хотел сказать, и в коммуникацию вступает собеседник.

Обязательный признак высказывания как единицы общения – *непосредственная* соотнесенность с внесловесным контекстом (ситуацией, обстановкой, предысторией) и с высказываниями других говорящих. Между тем какая-либо часть высказывания (текста), в том числе предложение, не имеет такой соотнесенности и, следовательно, не является единицей общения, если только она не оказывается непосредственно перед лицом действительности и других чужих высказываний (Бахтин 1979: 252). Выделение коммуникантами из произведения его фрагментов, в том числе предложений и слов, и домысливание их до единиц общения трактуется М. М. Бахтиным как результат аберрации.

В то же время Л. П. Якубинский обосновывает мысль о «неестественности» монолога, его обязательном разделении на диалогические (коммуникативные) единицы. Описывая речевое поведение своих знакомых, собиравшихся иногда для общения на научные темы, он обнаруживает, что прослушивание доклада, когда оно было внимательным, «постоянно превращалось в сплошное прерывание докладчика [...] Даже

если кто молчал, то по лицу бывало видно, как хочет говорить [...] Иногда молчащие переглядываются и мимируют, слушая другого; иногда что-то “промыкивают” про себя: до такой степени звук “лезет изо рта”» (Якубинский 1986: 33). Даже восприятие письменного монолога (книги, статьи) «вызывает прерывание и реплицирование, иногда мысленное, иногда вслух, а иногда и письменное – в виде отчеркиваний, заметок на полях, вкладных листков» (Якубинский 1986: 34).

Осмысливая расхождение в понимании указанными учеными роли фрагментов текста в речевом общении, вернемся к положению о психологической подвижности структуры человеческой деятельности, в том числе текстовой. С нашей точки зрения, эта подвижность является неотъемлемым свойством процессов порождения и восприятия текста. Так, останавливаясь или задерживаясь на промежуточной цели, субъект (автор, реципиент) как бы превращает ее в конечную цель, а реализующий ее фрагмент – в самостоятельную коммуникативную единицу. Это происходит, в частности, при выделении из текста фрагментов, которые становятся «крылатыми фразами»: *Любви все возрасты покорны* (Пушкин), *Рукописи не горят* (Булгаков) и др. Могут отделиться от текста и фрагменты значительной протяженности. Например, отрывки из пушкинского *Евгения Онегина* публикуются как стихотворения о природе для детей. Однако чаще всего промежуточная цель попадает в фокус внимания субъекта лишь на очень короткое время, осознаваясь вне связи со структурой деятельности, а затем эта связь восстанавливается. Впрочем, всегда существует возможность «обособления» текстового фрагмента, реализующего промежуточную цель, и его осмысления как целого в отношении к другим речевым произведениям, освещающим данную тему (как это произошло, к примеру, с притчей о блудном сыне из 15-й главы Евангелия от Луки).

Показателен в этом отношении анализ коммуникативного членения текста в Интернете. Пользователи Сети, обсуждая какой-либо пост, относительно редко отвечают на его главную мысль, развиваемую другими утверждениями (на текст в целом). Значительно чаще их комментарий является ответом на отдельный текстовой фрагмент, интерпретируемый безотносительно к содержанию целого текста и выступающий в результате особой единицей общения (Васильева, Салимовский 2011).

Очевидно, коммуникативной единицей может быть даже отдельное слово как «аббревиатура предложения» (Ахутина 1984). Это происходит тогда, когда слово становится самоцелью и актуализируется, иначе говоря, когда использование слова является действием, а не автоматизированной операцией. Уместно в этой связи вспомнить учение русских формалистов и членов Пражского лингвистического кружка о поэтическом и практическом языке. Согласно В. Б. Шкловскому, автоматизация, присущая «практическому языку», объясняется общим законом восприятия: «Становясь привычными, действия делаются автоматическими» (Шкловский 1990: 62). Между тем для «поэтического языка» характерно использование приемов, увеличивающих трудность и длительность восприятия, обеспечивающих «распечатывание слова», превращение «слова как аббревиатуры предложения» в образную мысль, предполагающую отклик реципиента.

Итак, любой фрагмент текста, реализующий какую-либо частную познавательно-коммуникативную цель, может быть актуализован, если он соотнесен с участком действительности, который является потенциальной темой общения. Субъект в этом случае «как бы застревает на [...] частной цели», а деятельность его дробится (Рубинштейн 2002: 466). Более того, концентрация как автора, так и реципиента на частных целях при сохранении в поле зрения более крупных задач, включаемых в замысел, является нормой речевой коммуникации. При этом автор самой организацией текста регулирует восприятие объективированной в нем динамической структуры познавательно-коммуникативной деятельности, которая, однако, по-своему модифицируется в сознании каждого реципиента.

Считая единицей вербального взаимодействия реализацию не только авторского замысла, но и частной цели, мы должны внести уточнение в понимание жанра как формы (образца, модели) именно целого текста. Уточнение заключается в том, что жанровая форма в принципе индифферентна к субъективной установке автора на ее воплощение в целом речевом произведении или в его части. Действительно, форма научного описания какого-либо объекта, например минерала, может быть реализована в целой статье, в ее небольшом фрагменте или в значительном по объему разделе монографии, форма освещения политической новости – в отдельном сообщении либо в составе информационно-аналитического обзора важнейших новостей, форма религиозного нравоучения – в про-

поведи или в ее части и т. д. Даже те жанровые модели, которые, как правило, воплощаются только в целом тексте, например, форма лирического стихотворения, могут тем не менее реализовать лишь грань авторского замысла (ср. стихотворения Юрия Живаго в составе романа Б. Пастернака).

О многоплановости текста и стиля. Как отмечает С. Гайда, «основная сложность в построении комплексных концепций заключается в том, что многомерная речевая действительность – это сущность неиерархизированная. Ее измерения [...] являются одинаково сущностно изначальными, равноценными и взаимонередуцируемыми, а также одновременно нераздельно между собой связанными» (Гайда 2013: 37).

Измерения речевого произведения определяются не только его свойствами, но и теоретическими представлениями о функционировании языка и вербальном общении, которые сложились во влиятельных научных концепциях. К числу таких разнохарактерных измерений можно отнести тематический, композиционный и собственно речевой планы текста; выраженность в нем индивидуально-авторского начала; семантические функции сложного языкового знака (по К. Бюлеру); отражающиеся в структуре речевого произведения параметры коммуникативной ситуации; объективируемые в нем формы общественного сознания и виды духовной деятельности; типы интеракций; иллокуции речевых актов и другие факторы. Многие из них кладутся в основание различных стилистических и жанроведческих типологий речи.

Стоит отметить, что исследователи, сравнивая понятия жанра и стиля, нередко соотносят их с разными планами речевого произведения. Например, жанр предстает либо как явление структурно-композиционного характера, а стиль – как разновидность речи в социально значимой коммуникативной сфере (Наер 1987), либо он понимается как иллокутивная структура текста, а стиль осмысливается как множество экспрессивно-эмоциональных эффектов, создаваемых стилистически маркированными языковыми средствами (Орлова 1997), либо, наконец, жанр толкуется как социокультурная интеракция в типичной ситуации общения, тогда как стиль интерпретируется как совокупность единиц с однотипной стилистической окраской, используемых при создании текстов того или иного жанра (Векшин 2009).

Конечно, разные планы организации текста должны быть разведены в исследовании. Однако едва ли проблематику стилистики (как и жанроведения) целесообразно ограничивать в основном каким-то одним планом. Вектор развития этих наук, как указывалось, направлен к созданию интегральной теоретической модели.

Для дальнейшей разработки такой интегральной модели немалое значение, на наш взгляд, имеет развитие и уточнение представлений о структуре деятельности. В самом деле, рассматривая текст как результат познавательно-коммуникативной деятельности субъекта, конечной комплексной целью которой является авторский замысел, важно учитывать, что развертывание замысла осуществляется с использованием текстовых «форм предваряющей потенциальной организации», «динамических комбинаторных моделей разных планов и разных объемов, имеющих инвариант и многочисленные варианты» (Васильева 1983: 6). Вполне очевидно, что ко всем таким моделям применимо положение М. М. Бахтина о том, что без речевых жанров общение было бы почти невозможно, что чем лучше мы владеем ими, тем совершеннее осуществляем наш творческий замысел (Бахтин 1979). Как уже говорилось, любая из этих форм, если она организует некоторое сообщение, может быть воплощена в целом тексте или в его части.

Примечательно, что в современной лингвистической генологии речевыми жанрами называют самые разные формы предваряющей организации речи – композиционные образцы, фреймы, типы иллокутивных актов, речевые социальные роли, виды интеракции, функционально-смысловые типы речи и др. (Дементьев 2010: 103-153). Обозначение всех этих моделей термином «речевой жанр» объяснимо и, по-видимому, в какой-то мере оправданно их функцией в организации текста.

Авторский замысел и выделяемые из него целеустановки определяют создание речевого произведения с заданными характеристиками, соответствующими самым разным потребностям человеческой коммуникации. Так, лирическое стихотворение предполагает воплощение в эстетически переработанном виде единичных состояний сознания, эмоционально окрашенных размышлений, впечатлений, особое фонетико-ритмическое построение текста. Между тем речевым произведениям других жанров присущи совсем иные качества. Например, законодательному акту –

обезличенно выраженная императивность и точность формулировок, не допускающих инотолкования.

Если мы исходим из понимания стиля как способа осуществления деятельности, то к стилистическим характеристикам текста, очевидно, нужно отнести все те его свойства, которые созданы реализацией множества целеустановок (интенций) данного способа текстовой деятельности. Это бесконечно широкий и разнообразный круг свойств, относящихся к разным планам текста и не поддающихся классификации в соответствии с каким-либо единым критерием. Актуальна поэтому разработка интенциональной методики изучения стилистических явлений (Дускаева 2013).

Представляется плодотворным использовать в исследовании стилистико-речевого континуума идею Л. Витгенштейна о «семейном сходстве» (пересечении по отдельным признакам) языковых игр – «компонентов деятельности» или «форм жизни», например таких: приказы и их выполнение, описание внешнего вида объекта или его размеров, размышление о событии, выдвижение и проверка гипотезы (Витгенштейн 1994: 90).

Действительно, тексты и отдельные фрагменты разных текстов обнаруживают многочисленные, подчас неожиданные, сближения по тем или иным стилистическим признакам. Например, научный постановочный текст, объективирующий языковую игру «выдвижение гипотезы», одним из своих композиционных блоков до некоторой степени сближается с рекламой, так как автор текста в соответствии с жанровыми нормами развернуто демонстрирует теоретическую и практическую ценность новой идеи (так сказать, «показывает товар лицом»). В политико-идеологической сфере, особенно в радио- и телепередачах, языковая игра «размышление о событии» (интерпретация политически значимого события) регулярно включает высказывания, неприемлемые для оппонента и окрашенные эмоциями гнева, презрения, сближаясь тем самым с жанром ссоры.

За совпадениями стилистических признаков различных текстов часто скрываются закономерности, которые еще предстоит изучить.

Рассмотрение континуума жанров (языковых игр) с использованием понятия «семейного сходства» предполагает их предварительное выделение по какому-либо критерию. С нашей точки зрения, в изучении речевого континуума целесообразно опереться на функционально-стилистическую типологию по сферам общения, в которых длительные, устойчивые социальные связи, определяющие, согласно М. М. Бахтину, глубокие

пласты структуры высказывания (Бахтин 1993), отражены в формах общественного сознания как экстралингвистической основе стилевой дифференциации текстов (Кожина 2014).

*

Подчеркнем в заключение, что понимание стиля как гуманистической структуры текста опирается на научную традицию и отражает современную эпистемическую ситуацию в языкознании. Содержащиеся в этом определении смысловые ориентиры – акцентирование человеческого фактора при изучении стилистических явлений, положение о тексте как центральном объекте коммуникативной лингвистики и о фундаментальном характере категории речевой системности – созвучны идеям, развиваемым представителями разных стилистических школ.

Присущие работам С. Гайды глубокая интуиция в понимании сущности стиля и холистическая методологическая установка способствуют сохранению стилистикой единства ее предмета в условиях тесного взаимодействия и синкретизма различных лингвистических направлений конца XX – начала XXI века. Развиваемая ученым интегративная концепция стиля обнаруживает большой эвристический потенциал в раскрытии закономерностей речевой и смысловой организации текста.

Литература

- Ахутина Т. В., 1984, *Теория речевого общения в трудах М. М. Бахтина и Л. С. Выготского*, «Вестник Московского университета», сер. 14, № 3.
- Бахтин М. М., 1979, *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Бахтин М. М., 1993, *Под маской. Маска третья*, Волошинов В. Н. *Марксизм и философия языка*, Москва.
- Васильева А. Н., 1983, *О формах существования функционально-стилистической системы. – Структура лингвостилистики и ее основные категории*, Пермь.
- Васильева В. В., Салимовский В. А., 2011, *О механизме продуцирования массмедийного политического текста. – Мысль. Текст. Стиль*, Санкт-Петербург.
- Векшин Г. В., 2009, *Жанр и функциональный стиль: языковое и речевое*, «Жанры речи», вып. 6, Саратов.
- Виноградов В. В., 1959, *О языке художественной литературы*, Москва.
- Виноградов В. В., 1971, *О теории художественной речи*, Москва.
- Витгенштейн Л., 1994, *Философские работы*, т. 1, Москва.

- Гайда С., 2013, *Что такое стиль? – Медиалингвистика. Славянская стилистика. Век XXI*, вып. 1, Санкт-Петербург. http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1397457423_5824.pdf (дата обращения 01.09.2015)
- Гаузенблас К., 1967, *К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования*, «Вопросы языкознания», № 5.
- Деменьев В. В., 2010, *Теория речевых жанров*, Москва.
- Дускаева Л. Р., 2013, *Культура и стиль: взаимодействие в речевом общении*, „Stylistyka”, XXII.
- Кожина М. Н., 2014, *Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды*, Москва.
- Леонтьев А. Н., 1975, *Деятельность. Сознание. Личность*, Москва.
- Наер В. Л., 1987, *К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка. – Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации*, Москва.
- Орлова Н. В., 1997, *Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»*, «Жанры речи», вып. 1, Саратов.
- Полный православный богословский словарь*, 1992, т. II., Москва.
- Рубинштейн С. Л., 2002, *Основы общей психологии*, Санкт-Петербург.
- Тарасов Е. Ф., 1989, *Стилистика и психоллингвистика. – Проблемы современной стилистики*, Москва.
- Фосслер К., 2007, *Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию*, Москва.
- Шкловский В. Б., 1990, *Искусство как прием. – В. Б. Шкловский, Гамбургский счет*, Москва.
- Шпитцер Л., 2007, *Словесное искусство и наука о языке. – О. Вальцель, В. Дибелиус, К. Фосслер, Л. Шпитцер, Проблемы литературной формы*, Москва.
- Якубинский Л. П., 1986, *О диалогической речи. – Л. П. Якубинский, Язык и его функционирование*, Москва.
- Gajda S., 1982, *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*, Warszawa, Wrocław.
- Gajda S., 1983, *Styl jako humanistyczna struktura tekstu. – Z polskich studiów slawistycznych*, Warszawa.
- Gajda S., 1991, *Stan współczesnej stylistyki a synteza stylistyczna. – Synteza w stylistyce słowiańskiej*, Opole.
- Gajda S., 1992, *Stylistics Today*, „Stylistyka”, I.
- Gajda S., 2001, *Stylistyka funkcjonalna, stylistyka pragmatyczna, stylistyka kognitywna. – Stylistyka a pragmatyka*, Katowice.

- Gajda S., 2009, *Gatunki wypowiedzi i genologia. – Lingwistyka tekstu w Polsce i w Niemczech. Pojęcia, problemy, perspektywy*, red. Z. Bilut-Homplewicz, W. Czachur, M. Smykała, Wrocław.
- Hausenblas K., 1972, *Výstavba jazykových projevů a styl*, Praha.
- Hausenblas K., 1996, *Od tvaru k smyslu textu – stylistické reflexe a interpretace*, Praha.
- Synteza w stylistyce słowiańskiej*, 1991, Opole.
- Spitzer L., 1962, *Linguistics and Literary History. Essays in Stylistics*, New York.

*Notes on style as a humanistic structure of text
(to the 70th anniversary of Professor Stanisław Gajda)*

The paper analyzes a notion of style developed by S. Gajda as a humanistic structure of a text. The characteristics of a scientist's notion with presumably wide (for stylistics) subject area – implementation of personal author and social cultural manifestations of text activity in different versions of comprehensive organisation of a verbal product – and stylistics categories with huge potential for synthesis are given. The sources of a style as a higher organizational body for a text in the works of the representatives of aesthetic realism school, Russian and Czech scientists are looked at. The fruitfulness of the introduction of human activity understandings into the integrated research of style is justified.

Keywords: *style, text, activity, genre, communication, stylistic concepts.*